

РЕВОЛЮЦИЯ И МИФ

В. Б. ВЛАСОВА

Аннотация

В статье рассматривается несколько взаимозависимых вопросов, прежде всего, философско-методологического характера. Среди них такие, как изучение изменения оценки революционного процесса в целом и его проявлений в частности; причины и следствия возникновения обновленных версий происходившего век назад, а также влияние этих инноваций на традиционные схемы представления о революции как таковой. В центре внимания автора находится также сравнительный анализ научного, философского, художественного и мифологического способов восприятия революционных событий с целью осмысления возможностей их более или менее тесного взаимопроникновения в ходе первичной и современной мифологизации российской революции 1917 г., а также любых других радикальных движений народных масс. Для достижения этих целей в статье ставятся методологические вопросы, решение которых вскрывает особенности упомянутых форм общественного сознания и прежде всего мифологии. В частности, исследуются способы мифологического освоения окружающего мира, опирающиеся на эмоциональные средства видения в ущерб рациональным (в силу низкого уровня интеллектуального развития массового сознания). Большое значение придается и рассмотрению так называемой «перевернутой логики» и «превращенного сознания», обязанных своим существованием различным видам отчуждения, возникающего между субъектом и объектом отражения реальности. Кроме того, обнаруживается некий иррациональный слой мифотворческой практики, потребность в котором сохраняется даже в условиях развитого рационального мышления. И, наконец, последнее по порядку (но не по значимости) обстоятельство состоит в том, что мифология совмещает в себе ценностный срез познавательного процесса с известной долей объективности.

Ключевые слова: революция, мифологизация, историческое развитие, превращенная форма, культуротворчество, социальные интересы, научное познание, философское осмысление, художественное восприятие, ценностное обоснование.

Власова Виктория Борисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

Цитирование: *ВЛАСОВА В.Б.* (2017) Революция и миф // *Философские науки*. 2017. № 8. С. 19–32.

Непосредственным поводом к написанию настоящей статьи послужило столетие Октябрьской революции в России. Ее можно рассматривать как «точечное» событие, произошедшее осенью 1917 г. Тогда в центре внимания оказывается прежде всего набор сюжетных перипетий: конфликты между политическими партиями, эмоцио-

нальный настрой масс, вызванная империалистической войной разруха и т.д. Все эти подробности чрезвычайно важны, ибо они содержат конкретные сведения о том, что случилось 100 лет назад в нашей стране. Но революция — это не просто дела давно минувших дней. Это некий социально-исторический феномен, который со временем наполняется определенным футурологическим смыслом с преобладанием положительных или отрицательных, но всегда противоречивых оценок его содержания. Характерно, что такое осмысление прошлого постоянно меняется, опираясь на текущие обстоятельства так или иначе продолжающейся революционной практики — от изначальных ее замыслов до их частичной реализации со всеми плюсами и минусами в уже состоявшемся будущем. Описанная ситуация нуждается не только в научно-историческом или художественном проникновении в данности происходивших перемен. Здесь требуется и особый, философский дискурс, задача которого состоит в ценностном обосновании глобального влияния этих данностей на протяжении целой эпохи. И так обстоят дела со всеми великими революциями.

Принимая подобный подход к изучению российской революции начала прошлого века, придется выйти за хронологические пределы собственно Октября и представить последний в качестве особо значимого звена в единой цепи нескольких революционных выступлений народа до Октябрьской революции, а также последовавших за ней перемен. Их воздействие сказалось на протяжении всего прошлого столетия и не только на судьбе нашей страны. Оно по-разному актуализировалось в кругу тех или иных проблем глобального характера. На первый план этой актуализации выходят позитивные или негативные характеристики. Но любая из них имеет под собой объективное основание. Сто лет — достаточный срок для того, чтобы накопились, оформились и даже в известной степени устоялись реальные последствия инициированных радикальными теоретиками и практиками свершений. Открылись новые горизонты ожиданий, появились новые векторы развития, обогатился и гуманизировался (к сожалению, чаще всего лишь декларативно) арсенал средств достижения поставленных целей. Настало время подытожить пройденный путь и дать ему оценку, исходя из обретенного опыта революционных потрясений. А для этого нужно уточнить связанные с указанной проблематикой методологические вопросы.

Особый ракурс видения исследуемого материала задается обращением к одному из наиболее интересных и сложных явлений, имеющих прямое отношение к обсуждаемой теме. Речь идет о взаимовлиянии действительных потребностей общества, стремящегося к революционному изменению, и их субъективного отражения в мышлении людей — участников изменения. В этой связи не менее важной оказывается задача проследить также и параллели между уже растаявшим в историческом тумане прошлым восприятием целей, средств,

движущих сил революции и т.п., с одной стороны, и современным хронологически дистанцированным взглядом на те же явления на фоне полученного социокультурного опыта, с другой. Все эти аспекты рассмотрения отчетливо проявляются в феномене мифологизации революционной практики на разных этапах ее осознания.

Мифологическое начало в этих случаях выполняет функцию идеологического оформления конкретного содержания настроений в обществе, его ближайших потребностей и возможностей их удовлетворения. Наиболее характерным представляется это обстоятельство в сфере массового сознания, не склонного к интеллектуальным занятиям вообще, а тем более, к теоретизированию. Иногда обращение к мифотворчеству — это лишь способ агитации и пропаганды лидерами толпы своих собственных, индивидуальных замыслов. Часто такая позиция выливается в откровенное манипулирование сознанием рядовых революционеров.

Мифологизация подобного рода, актуализирующая, в конечном счете, архаичные сюжеты, которые публика усваивает с детства, опираясь на так называемую социальную генетику, может варьироваться сообразно необходимости, задаваемой реальными условиями жизни общества в тот или иной момент. Одним из самых ярких вариантов представляется романтическая характеристика участников революционного процесса за счет их уподобления традиционным мифическим героям древности. В этом же ряду уместно указать и на фигуры хтонических чудовищ, грозящих смертельной опасностью человеческому роду (типа «гидра контрреволюции»). Эти фигуры персонифицируют врагов революции или весь «старый порядок» через воскрешение мифологического прошлого из популяризаторских соображений. При этом степень адекватности совмещения, происходящего в настоящее время с мифологическими аллюзиями бывает разной. Это объясняется ориентацией общественного сознания не на истину, а на ценности. Очень важную роль, с точки зрения упомянутого аксиологического критерия, играет и калькирование сакральных ритуалов с целью укоренить определенные инновации в исторической памяти народных масс, включенных в революционное «действие», для передачи будущим поколениям. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, как рядилась в античные одежды Великая французская революция XVIII в. Близкое по форме использование германоскандинавских мифов наблюдалось и в период III рейха, хотя вопрос о том, можно ли назвать революцией господство гитлеровского фашизма на европейском континенте, остается открытым.

Однако подобная отсылка открывает собой лишь, так сказать, поверхностный слой революционной картины. Правда, его привлекательность для исследователя состоит в том, что он содержит знаковые «намёки», помогающие увидеть отправные точки реального движения,

связать их с ментальностью его субъекта, с историческими корнями социокультурной проблематики преобразовательной деятельности. В целях актуализации современного анализа революции в качестве культуротворческой работы определенного общества в известный период его существования необходимо расшифровать заданные в прошлом символы. Только в этом случае можно оценить подлинную глубину состоявшегося революционного процесса (содержательно, в противоположность чисто формальным признакам его последствий). Такая расшифровка не должна ограничиваться указаниями на фабульные сходства или различия в наблюдаемых исторических параллелях. Здесь не обойтись без особой методологии, суммирующей итоги проведенного уподобления событий из разных темпоральных рядов с целью их мировоззренческого, т.е. философского осмысления. Для этого в первую очередь требуется ответить на главный вопрос исследования, а именно, определить природу самого принципа мифологизации исторических событий, его конституирующие признаки. Они задают способ фиксации наследуемого опыта и рефлексивные возможности, связанные с прогнозом результатов подлежащих сегоднешней оценке событий в будущем.

По этому поводу необходимо оговориться о следующих особенностях, которые следует учесть в ходе методологического изучения проблемы. Расхожее мнение гласит, что миф по причине своей сакральности представляет собой застывший образ реальности, т.е. в том или ином смысле он остается раз и навсегда заданным продуктом культуры, по крайней мере, в обозримых временных границах социокультурной практики. На самом деле это не совсем так, иначе ни материальное, ни духовное производство не могло бы совершенствоваться. В действительной же истории постоянно изменяются и содержание мифологических сказаний, и даже социальная функция самого мифотворчества. На разных этапах развития мышления и деятельности у многих народов одни и те же мифы встречаются в нескольких версиях. Так, древнегреческий миф о Прометее, культурном герое и богоборце, первоначально повествовал о бессрочном для него наказании от Зевса за помощь людям. Но более поздний вариант рассказывает о том, как полубожественный Геракл освобождает Прометея, прикованного в горах Кавказа. И Зевсу не остается ничего, кроме как притвориться, что это сделано с согласия главы пантеона. У эллинов можно обнаружить и другие изменившиеся со временем мифы (например, о Горгонах и Афине), которые служат целям, возникшим в новые времена. Как и в случае с мифом о Прометее, перетолкование их фабулы вызвано переосмыслением своих сил и возможностей в освоении и гармонизации природного и социального окружения в общественном сознании.

Учитывая высказанные замечания, при исследовании российской революции, начавшейся более ста лет назад и продолжающейся в не-

котором отношении до сих пор, следует иметь в виду, как минимум, три аспекта ее мифологизации. Во-первых, последняя может касаться объективных источников революционной ситуации. Во-вторых, чаще всего мифологическое сознание оформляет в массовом восприятии как раз политические лозунги социально-преобразовательных программ. Тем самым общество ориентируется на иллюзорные, а значит, в лучшем случае на утопические цели. Наконец, в-третьих, чем больше проходит времени от начала революционного взрыва, тем меньше остается у историка возможностей соприкоснуться с аутентичными его проявлениями в целом. Так что ему приходится довольствоваться, как правило, либо литературными текстами, в том числе мемуарами участников и свидетелей событий, либо другими документами исторической памяти поколений (1). Полученное таким образом представление о революции волей-неволей фокусируется на перетолковании прежнего видения событий, ибо рождается стимул сравнить исходные ожидания с достигнутыми на данный момент результатами перемен. И эту работу выполняют ученые, философы, художники и т.д., исходящие из разных ценностных критериев, а, следовательно, и продукты их деятельности различны. С одной стороны, они могут служить восстановлению содержания фактов. А с другой стороны, факты – это ведь не столько подлинная реальность, сколько плоды интерпретирующих их концепций, и потому здесь, как всегда, остается простор для их мифологизации.

Возвращаясь к обсуждению сущности этого явления, а также к выяснению его значимости в ходе исторической рефлексии по поводу текущего революционного движения, не будет лишним подчеркнуть следующее. Главная задача исследователя в этом направлении заключается в том, чтобы выявить, почему возникает, как складывается в общественном сознании иллюзорное восприятие реальных событий или сообщений о них, а также других фактов, которые составляют подлинную ткань познаваемого исторического материала; почему все это именно так, а не иначе оформляется в современном мышлении. Не менее актуальным оказывается рассмотрение тех объективных и субъективных факторов, которые позволяют в XXI в., отмеченном наличием весьма совершенных информационных технологий и высочайшей степенью развития интеллектуальных способностей человека, прибегать к столь архаичным способам освоения мира, как мифология, и именно на этом пути искать подлинные откровения исторического познания. Кстати говоря, сюда нужно добавить еще одну особенность мифологизации революции в прошлом. Благодаря ей последняя имеет основания быть представленной иллюзорно не столько из-за формы подачи информации об интересующем ученого предмете, сколько по причине содержательной неадекватности объективному положению дел образа, который создан его мышлением, нагруженным теми или

иными идеологическими установками. Чтобы разобраться во всех этих вопросах, необходимо хотя бы краткое методологическое отступление, раскрывающее связь мифотворчества как такового с особенностями общественного сознания на разных этапах его развития.

Вопрос о том, почему возникает и как функционирует в общественном сознании миф, интересовал еще древних греков, впервые в европейской культуре открывших для себя натурфилософию, софистическую, а позже формальную логику, геометрию Эвклида и другие конкретные способы освоения мира. Они противопоставили мудрость подобного знания традиционному мифотворчеству. Отрицательное отношение к мифу укрепилось в Средние века, когда христианская теософия вытеснила политеизм, а эллинскую мудрость приспособила к собственным нуждам. Мифология была отвергнута как языческие заблуждения, вдохновленные происками Сатаны. Так что проблема изучения мифа в качестве продукта осознания действительности была закрыта на несколько веков. Эпоха Возрождения в значительном объеме возвратившая человечеству античное мировосприятие, особенно в рамках его отношения к человеку, возродила и интерес к мифологии, вернув ей уважение, но не авторитет. Сменившие титанов Ренессанса просветители заняли противоречивую позицию в оценке мифотворчества. На одном полюсе были французы, сгруппировавшиеся вокруг скептического гения Вольтера. Они предпочли негативный взгляд на миф как следствие «союза обмана и невежества», что было вполне логичным для мыслителей, отождествлявших прогресс с познанием и стоявших на позициях атеизма либо деизма. Немцы же в лице Гердера и романтиков были на другом полюсе этого раздвоения. Они связывали мифологию с корнями народной ментальности, видели в ней образцы эстетического освоения действительности, а потому считали необходимым и полезным тщательное изучение этого исторического явления.

Однако по-настоящему научное исследование мифотворчества началось лишь в середине XIX в. Его фундаментом стал тезис Дж. Вико о том, что мифологическое сознание — это историческое детство человечества. При этом удалось дать верные ответы на множество поставленных прежде вопросов. В частности, в качестве причин возникновения мифа были признаны попытки человека объяснить окружающий его мир и самого себя. Это было открытием натуралистической и антропологической школ. Стремление древних понять устаревшие магические обряды через более позднюю их трактовку в рамках патриархальной общины было осмысленно Дж. Фрезером и ритуалистами. К подобным взглядам добавились исследования социологической школы по поводу истолкования явления мифотворчества как удовлетворения потребности в установлении прочных социальных связей, построенных на усвоении нормативных образцов в мифологических сюжетах. Огромное значение в концептуализации

знаний о мифологическом восприятии реальности имели и работы психологов-аналитиков и структуралистов. Объединить все эти позиции, в конечном счете, удалось лишь в XX столетии трудами отечественных историков, культурологов и философов, опиравшихся в своих исследованиях на марксистское мировоззрение. Среди них такие фигуры, как Я.Э. Голосовкер, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, С.А. Токарев, Е.М. Мелетинский и др. Главным достоинством их работ было представление о мифологии как о продукте становления и развития общественного сознания от архаичных до современных форм его проявления. Были выяснены объективные закономерности этого развития, установлены специфические признаки собственно мифологического мировосприятия [Токарев, Мелетинский 1994, 16–18].

Очевидно, что для решения подобных творческих задач была необходима опора на исторические сведения, каковая обеспечивалась трудами археологов, этнографов, этнопсихологов, палеоантропологов и даже лингвистов и искусствоведов. Итоги проведенной теоретической работы позволили обнаружить внутреннюю логику и общность научного, философского и художественного видения реальности с ее мифологическим отражением, несмотря на радикальное отличие этих форм общественного сознания друг от друга. Более того, как раз констатация противоречивости приведенного утверждения дает повод понять истоки мифологизации реальности, особенно современным субъектом. А это исключительно важно сегодня при попытке рефлексивного осознания Октябрьской революции как события и как процесса на каждой его стадии. Кроме того, возникает шанс адекватно оценить влияние ее последствий на социально-исторические данности и идеологические схемы мировой (а главное – отечественной) практики 100 лет спустя. Анализ сущностных признаков мифологического мировосприятия в сравнении с другими способами освоения истории необходим также для уяснения взаимообусловленности сознания и деятельности субъектов революции, так или иначе мифологизирующих реальность. В конце концов, рассмотрение этого вопроса способствует вскрытию причин и следствий, обнаружению разнообразных форм, изучению роли мифологизации революционных преобразований. Решается и задача очищения в той или иной степени исследуемых событий от субъективных наслоений, накопившихся в течение времени.

Итак, что же объединяет научное, философское и художественное освоение проблем окружающей действительности с мифотворчеством, допуская архаику в познание современности? В силу обширности и сложности такого рассмотрения, невозможного в формате журнальной статьи, автор ставит перед собой более скромную цель – показать, как было возможно органичное взаимопроникновение мифологии, науки, искусства и философии в ходе мифологизации российской революции в XX в.

Начнем со ссылки на парадоксальное высказывание академика Лихачева о том, что истина есть миф [Лихачев 1996, 5–8]. По-видимому, он хотел подчеркнуть, что истина — это не завершенная данность, а процесс, продукт которого приближается к однозначности по асимптоте. И в этом смысле работа научного познания под определенным углом зрения схожа с мифотворчеством. Конечно, потенциал последнего, по сравнению с наукой, весьма ограничен (и в постановке задач, и в поиске средств их решения) низким уровнем интеллекта у древних. В тех случаях, когда способность к абстрагированию и обобщению еще недостаточно укоренена в мышлении, на помощь приходят эмоции, воображение и прочие иррациональные формы усвоения материала. Наука, правда, их тоже использует, но лишь в качестве внешних, дополнительных стимулов деятельности. В мифологии же именно запретельное разуму подчиняет восприятие реальности своей собственной, «перевернутой» логике, работая «от противного», по контрасту [Токарев, Мелетинский 1994, 12–13]. Результатом оказывается иллюзорное, но зато целостное представление о содержании продукта познания.

Однако миф тем и отличается от сказки, что он не только верит в реальность изложенных им событий, но сама эта вера строится на фиксации повторяемости объективных данных повседневной практики. А потому миф — это не просто байка, которую рассказывали наши предки у костра, в пещере. Он, как и продукты научного творчества, постигает мировой порядок в природе (достаточно вспомнить миф о Фаэтоне), нормы человеческого общежития. Этот опыт кодируется в сакральной символике, магических ритуалах, сюжетной наглядности мифического нарратива и т.д. Но, в отличие от относительно адекватного научного познания, мифотворчество, вырастающее из «перевернутой» логики присвоения окружающего мира, так или иначе, обретает и «превращенную форму» его отражения [Лифшиц 1988, 336–427]. Сущность превращенной формы сознания как таковой, диалектика его происхождения и функционирования впервые были описаны на материалистической основе К. Марксом, обособившим его характеристику наряду с двумя другими видами неадекватного познания [Маркс 1973, 80–93]. В первом случае речь идет об искреннем заблуждении «наблюдателя» ввиду недостатка технических средств обработки материала либо из-за нехватки индивидуальных способностей, образования и т.д. Во втором же варианте возможно преднамеренное искажение подлинных фактов из разного рода корыстных побуждений. Чаще всего это совершается в целях навязывания массовому обыденному сознанию выгодных для пропагандиста политических, идеологических и пр. оценок ситуации. Это открывает простор манипулированию общественным мнением.

Общая особенность описанных только что видов иллюзорного сознания заключается в том, что искаженное восприятие зависит здесь

от свойств *субъекта*, его природных или социальных качеств. Что же касается превращенного постижения явлений, отношений, процессов и свойств окружающей субъекта действительности, которые, к стати говоря, анализируются Марксом преимущественно в границах социальной жизни, следует обратить внимание прежде всего на ту ее особенность, что причиной искажения истины в представлении субъекта о его объекте является не субъект, а сам *объект*. Дело в том, что субъект вынужден руководствоваться в своих действиях не аутентичной картиной мира, которая ему плохо известна, а тем, что К. Маркс называл «объективной кажимостью». Ее содержание детерминируется повседневными отношениями человека с природой или человека с человеком в тех пределах, в каких они носят *отчужденный* характер. Другими словами, если человек в обществе отчужден от творчества, от собственности, от своих жизненных интересов и прав, то он, по сути дела, уже не субъект, ибо он не господствует в таком мире, а, напротив, подчинен — деньгам, военной силе, власти имущим, одним словом, ложным ценностям, навязанным ему извне. И сколь бы ясно он ни понимал их иллюзорность и неадекватность, он не может пренебрегать ими в своей деятельности до тех пор, пока не будет устранен фундаментальный источник отчуждения. Получается, как у А.С. Пушкина: «Ведь каждый день пред нами солнце ходит, Однако ж прав упрямый Галилей».

Описанная К. Марксом версия функционирования превращенной формы сознания исследована им на материале современных социальных отношений товарного производства. Но ведь точно так же эта форма осознания опыта проявляется и в других сферах познавательной практики. Поскольку предметом познания древних людей оказывается чуждый, противостоящий им мир, они полагаются в основном на наблюдения, которые порождают наглядные (и в то же время в определенной степени иллюзорные) образы, констатирующие некое постоянство, упорядоченность отражаемой благодаря им реальности. На зафиксированное подобным образом знание и опирается субъект, мифологизирующий тем самым действительность. Так что истина при этом вполне очевидно сопрягается с воображением и фантазией. Собственно в этой точке и совпадают, пересекаясь друг с другом, познавательная и эстетическая функции мифотворчества. И в этом нет ничего удивительного. Возникая как первичный продукт культуры (в ее социально-философском определении, т.е. в качестве творческого отношения человека к миру), мифология со временем распадается на самостоятельные способы освоения окружающей среды и существования человека, из которых рано или поздно формируются наука, религия, философия, искусство, мораль и пр. Под их натиском мифотворчество теряет свою универсальность. Но это не означает, что оно вовсе лишается влияния на культуру, особенно в сфере духовного производства. Здесь оно, как правило, проявляется в виде рудиментов своего первородства.

Наиболее комфортно в современных условиях чувствует себя мифологическая интенция в отправлении религиозного культа, при передаче фольклорного наследства как гаранта связи с ментальными корнями народа. Мифология продолжает служить сюжетной базой многих произведений искусства и т.п. Она создает также психологический фундамент эффективности торговой рекламы и политического пиара, вытаскивая из тайников души даже закоренелых атеистов бессмертную веру в чудо. Для нашего исследования наиболее актуально то обстоятельство, что именно мифология может задать критерии перетолкования смысла значимых исторических событий. А это, в свою очередь, позволяет лидерам общественных движений, отдельным социальным группам, а иногда и целым поколениям выбрать наиболее подходящие способы и средства удовлетворения своих частных (в масштабе истории) эгоистических интересов в прошлом или в текущий момент. Соответственно складываются и определенные оценки мифологизированного процесса исторического развития, характеризуются его следствия к моменту анализа. А так как в рассматриваемом аспекте миф есть не столько истинное (даже в том условном значении, о котором только что было сказано), сколько все-таки ценностное знание, то его содержание оказывается многозначным и создает платформу для самых разных концепций видения подлинной реальности. Эти особенности мифологизации четко просматриваются в отношении к Октябрю субъектов социальных преобразований на всех стадиях развития революционного процесса.

Все упомянутые ранее виды иллюзорного восприятия задействуются в ходе мифологизации революции, когда требуется инициировать, либо так или иначе осознать ее первоначальные причины и следствия, а также оценить последние в границах собственных интересов отдельных социальных групп. При этом неадекватность простого заблуждения или намеренно ложной трактовки в конце концов обнаруживает себя по мере развития революционной практики, сталкиваясь с противодействием объективной действительности, в то время как превращенная форма отражения происходящего остается скрытой даже в частично измененных обстоятельствах. При этом необходимо, чтобы сохранялся изначальный источник ее возникновения, а именно, отчуждение самой реальности, выступающей объектом деятельности реформатора или революционера. В ходе подобных преобразований отчуждение реализуется как борьба конфликтующих сторон, т.е. противостоящих друг другу общественных групп, каждая из которых руководствуется исключительно собственными экономическими, политическими и т.п. интересами.

Так, в российской революции 1905 г. сохранение отчуждения гарантировалось имущественным расслоением, усугубленным слабостями реформ по отмене крепостничества; самодержавием как вершиной

социальной иерархии, которая в свою очередь, закрепляла бесправие народных масс в самых разных областях жизни и т.п. Эти особенности порождали в обыденном сознании превращенно оформленные, а по сути утопические в силу своей иллюзорности цели, лапидарно сформулированные булгаковским Шариковым: отнять и поделить. На самом же деле такая ориентация лишь плодит взаимную ненависть, способствуя порождению новых, но более мелких собственников, стремящихся к обогащению. А реальное снятие отчуждения — задача отдаленного будущего. Социальные науки видят его истинную сущность в том, что человек до сих пор не стал подлинной целью общественного производства и главной ценностью общественного сознания. Он все еще остается средством удовлетворения частных интересов противоборствующих социальных групп даже в тех случаях, когда те или иные из них персонифицируют государство. Поиск средств преодоления указанного расхождения в понимании действительной роли человека в культуротворчестве — очень трудное дело и в рефлексивном плане, и в рамках практической работы, так как подобные проблемы не решаются простой декларацией. И все же философия здесь необходима. С одной стороны, она задает известную систему ценностей, предпочтительных в ту или иную эпоху. А с другой стороны, она вынуждена пересекаться с контентом знаний, зафиксированных в так называемых философских науках — логике, эпистемологии, социологии и др. В результате философия осмысляет реальность, в том числе историческую, в мировоззренческом ключе, формируя оценки культуротворчества в конкретный период, что способствует прогнозу его развития. Осуществление такого диалектического «симбиоза» помогает раскрыть эвристический потенциал мифологизации историко-революционного материала, задающего реальные противоречия в «снятой», утопической форме.

Из сказанного вытекает следующее. Если рассматривать революцию как длительный процесс социально-исторических преобразований радикального характера, то становится очевидным факт неизбежности мифологизации ее причин, следствий, движущих сил и т.п. Дело в том, что мифотворческая деятельность предполагает, в первую очередь, стремление освоить непознанное, сделать доступным чуждое, превратить свою повседневную практику в сокровищницу опыта, наследуемого будущими поколениями. А, как известно, «лицом к лицу лица не увидеть» и, значит, необходимо удаление во времени, чтобы оценить значение уроков прошлого. Но отсюда вовсе не следует, что современники тех или иных событий должны отказаться от попыток их оценить. И пользуются они при этом теми способами постижения действительности, которые на данный момент более или менее освоены, привычны. Потомки же, обладая более развитыми и поэтому более совершенными средствами познания, имеют в своем распоряжении

уже обработанный прежде, мифологизированный материал для рационального (научного, философского) его освоения. И, тем не менее, в той мере, в какой в обществе присутствует отчуждение, остается и повод к сохранению превращенных форм сознания. Таким образом, мифологизация реальных событий прошлого получает новые стимулы для своего осуществления. Конкретные варианты мифологизации революционных данностей прошлого определяются прежде всего социальными интересами групп, которые наследуют эти позиции.

Важно отдавать себе отчет, что даже если исследование революционного процесса имеет своей целью демифологизацию его целевых установок, форм протекания и последующих результатов (а это случается в каждой новой фазе преобразовательной деятельности его участников или наследников), исполнители этих намерений чаще всего попадают в ловушку отчуждения, так как исходят также из определенных ценностных интересов в большей степени, чем из научных. Интересно, что чем шире избранные субъектом пределы ценностной шкалы, тем богаче эвристические возможности отслеженных в ходе изучения перспектив влияния уже состоявшихся революционных событий на современное и будущее развитие общества. Поэтому нельзя сегодня сбрасывать со счетов художественное творчество. Искусство не только выстраивает образно-событийный ряд сюжетов по принципу наглядно-условного параллелизма (причем, параллели могут быть разнонаправленными в аксиологическом отношении). Обращаясь к воображению и фантазии публики, оно способно пробудить тем самым ее творческую инициативу и эмоциональную энергию, осуществляющую те замыслы, которые прежде не были замечены участниками революционного движения. А это означает прорыв в замкнутом пространстве однозначности чисто научного подхода. Не зря многие культурфилософы и историсофы квалифицировали историческое знание как продукт взаимопроникновения логики и интуиции, заполняющей лакуны в сведениях о прошлом.

Собственно, так рождаются различные версии и основанные на них неоднозначные оценки российских революций прошлого века сегодня. При этом мифологизация изначальных событий их непосредственными участниками перетолковывается через сто лет в пользу новых выводов о том, как это было на самом деле. Это обновление оплодотворяется знанием результатов процесса к настоящему моменту. Характерно, что различия в трактовках, хотя и противостоят друг другу, опираясь на документы, воспоминания и прочие архивные сведения, однако не устраняют одно другого, а сосуществуют в идеологическом пространстве — иногда официально, иногда как диссидентская практика. Такая устойчивость позиций объясняется прочностью их ценностного фундамента, оформленного в общественном сознании научной, философской и, конечно, практической

аргументацией. Немалую роль играет в этом мифотворчество, ибо одна из главных его особенностей — это сакрализация опыта. В нашем случае такое качество не обязательно связывать исключительно с религией. Термин «сакрализация» может употребляться и в условном, секуляризованном смысле, т.е. как абсолютное доверие к авторитету лидеров или к унаследованной от предыдущих поколений традиционной ментальности разных страт общества. В дифференцированном социуме авторитеты и традиции не могут быть однозначными, когда речь идет о радикальных его изменениях. И как раз мифологизация этих перемен, вследствие своей скрытой ценностной многозначности дает повод легитимизировать тот или иной фокус видения, а благодаря этому и стремление реализовать избранные идеологемы, тем более, что именно миф совмещает в себе латентное знание объективной закономерности с иллюзорной формой его видения.

Итак, не будет большим преувеличением сказать, что революция и миф неразлучны, потому что на любом этапе радикального общественного движения истина и ценность плотно переплетаются друг с другом — такова глубинная природа социального познания и деятельности. Указанная взаимосвязь накладывает свой отпечаток на все формы общественного сознания, задействованные в революционном процессе. Другое дело, что на разных его стадиях (с точки зрения истории вообще и конкретных обстоятельств момента) научная истина, открывающая подлинную реальность тех или иных противоречий в качестве причин революции, и ценность, закрепленная в мифе, стимулирующем революционное сознание, представлены здесь в разных долях и в разной степени значимости. Это зависит от уровня зрелости самого этого сознания во всех его проявлениях. Но без творческого воображения, оформляющего общие цели или конкретные задачи преобразования социальных отношений, не могут обойтись даже самые просвещенные и научно осведомленные лидеры, иницилирующие революционные подвиги. Еще больше нуждаются в наглядности и символичности революционных лозунгов вдохновляемые ими народные массы, без участия которых не может осуществиться ни одно более или менее серьезное революционное обновление. Арсеналом подобных средств как раз и выступает мифологическое сознание. Поэтому «симбиоз» истины и мифа всегда присутствует в переломные моменты осознания исторического развития. Но он может выполнять полезную или вредную роль в зависимости от конкретных обстоятельств протекания революционного процесса.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Разумеется, высказанное соображение с методологической точки зрения принципиально важно не только для наших, отечественных разработок, но и для исследования революционных обстоятельств вообще.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лифшиц 1988 – *Лифшиц М.А.* Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // *Лифшиц М.А.* Собр. соч. В 3 т. Т. III. – М.: Изобразительное искусство, 1988.

Лихачев 1996 – *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: БЛИЦ, 1996.

Маркс 1973 – *Маркс К.* Капитал. – М.: Политиздат, 1973.

Токарев, Мелетинский 1994 – *Токарев С.А., Мелетинский Е.М.* Мифы народов мира. Т. I. – М.: Энциклопедия, 1994.

MYTH AND REVOLUTION

V.B. VLASOVA

Summary

The article is dedicated to the centenary of the October revolution in Russia. In this context, the author considers here several related questions of philosophical and methodological nature. Among them there are: the study of change in the assessment of the revolutionary process in general, and their manifestation in particular; the causes and consequences of the emergence of updated versions of what was happening a century ago, and also the influence of these innovations on the traditional scheme of the idea of the revolution itself. The author focuses also on the comparative analysis of the scientific, philosophical, artistic and mythological ways of perception of the revolutionary events with the aim of studying the possibilities of their more or less close interpenetration in the course of primary and the modern mythologizing of the Russian revolution of 1917, and any other radical movements of the masses.

Keywords: revolution, mythologizing, historical development, developed form, cultural education, social interests, scientific knowledge, philosophical reflection, artistic perception, value justification.

Vlasova, Victoria – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow of the Department of Social Philosophy at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Citation: *VLASOVA V.B.* (2017) Revolution and Myth. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 8, pp. 19-32.

REFERENCES

Lifshits M.A. (1998) The Ancient World, Mythology, Aesthetic Education. In: Lifshits M. Collected works. 3 volumes. Vol. III. *Izobrazitel'noe Iskusstvo*, Moscow (in Russian).

Likhachev D.S. (1996) *Essays on the Philosophy of Art*. Saint Petersburg (in Russian).

Marx K. (1973) *Kapital*. Moscow (Russian trans.)

Tokarev S., Meletinskii E. (1994) *Myths of the World*. Vol. I. *Entsiklopedia*, Moscow (in Russian).